

Так же, как в автобиографической повести «Рыцарь нашего времени», Карамзин-публицист выступает страстным апологетом «чувствительных» романов: «Слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее» (II, 180). Интерес к чтению романов оказывается своеобразным нравственным критерием с точки зрения Карамзина, убежденного, что «дурные люди и романы не читают».

Соответственно, отношение к чтению является важным моментом в характеристике героев карамзинской повести «Чувствительный и холодный». «Чувствительный» Эраст «еще в детстве пленялся романами, поэзией, а в истории более всего любил чрезвычайности, примеры геройства и великодушия». В противоположность ему «холодный» Леонид скептически относился к романам, считая их «пебылицами», а историю читал «не для внутреннего наслаждения, но как вокабулы или грамматику» (I, 742). Это краткое упоминание — важный штрих, объясняющий во многом дальнейшие судьбы героев и вместе с тем обнаруживающий отношение к ним самого автора.

Увлечение «чувствительными» романами долго воспринимается как знак определенной характеристики в сознании русского читателя начала XIX в. Достаточно вспомнить в этой связи круг чтения Татьяны Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Татьяна с упоением читает эти книги, долго не замечая «обманов», т. е. «ненатуральности» героев, пока жизнь не заставляет ее покинуть мир грез.

В отличие от писателей-сентименталистов, стремившихся ориентировать своих героев на литературные образцы, Пушкин создал совершенно самобытный образ. Но проявившееся при этом полемическое отношение к «чувствительному» роману не было новым в русской литературе. Начиная с Болотова, через Карамзина оно было воспринято, очевидно, уже значительной частью русской публики 1810-х гг.

О противоречивости и «неестественности» в обрисовке характеров Юлии и Сен-Пре подробно говорилось в «Письме россиянки» «О Новой Элоизе», хотя здесь же отмечалось достоинство Руссо в «искусстве живописного пера».⁶⁴ В своеобразный спор с поклонниками Ричардсона и Руссо вступал автор статьи, пазванной «Русская повивальная бабка». Здесь рассказывалось о некоей Милене, светской даме, которая от скуки «прибегала иногда к романам, мечтала о Грандисонах, о Сен-Прё; платила слезами дань воображению и, выходя из области романов, еще

⁶⁴ Вестник Европы, 1814. ч. 75. ма4, № 9, с. 36–47.